

18+

ФИНА
ВАЛОУ

18+

НЕВИННЫЙ
ЦВЕТOK
ДЛЯ
ДЕМОНИЧЕСКОГО
ЛОРДА

Рина Валор
Невинный цветок для
демонического лорда. Цикл
«Мальфазар». Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72591394

ISBN 9785006813489

Аннотация

Всю свою жизнь меня готовили к одному – стать чистой жертвой на алтаре демонического лорда. Я знала, что умру, но когда явилось чудовище, оно не убило меня, а унесло в свой мрачный мир, назвав своей вещью. Теперь его порочные прикосновения пробуждают во мне странный, пугающий жар, которого я должна стыдиться. Я его пленница, его игрушка... и я боюсь того, что он собирается со мной сделать дальше.

Содержание

Глава 1: Жертва	5
Глава 2: Осмотр	12
Глава 3: Очищение	21
Глава 4: Первое задание	29
Глава 5: Награда	40
Глава 6: Ритуал	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Невинный цветок для
демонического лорда
Цикл «Мальфазар».
Книга 1**

Рина Валор

© Рина Валор, 2026

ISBN 978-5-0068-1348-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Жертва

– Как думаешь, каково это – гореть? – шепот Лиры был едва слышен за свистом ледяного ветра в высоких щелях окон. – Жрицы говорят, что пламя очищает душу, но тело... тело ведь чувствует боль.

Я промолчала, плотнее запахивая тонкую ритуальную робу. Белая грубая ткань почти не грела, и от каждого порыва сквозняка по моей коже бежали мурашки. Мы сидели на каменной скамье в пред-алтарной зале, ожидая своего часа. Десять девушек, отобранных для Великого Призыва. Десять чистых сосудов для умиротворения древнего зла.

Мне, как и Лире, недавно исполнилось восемнадцать. Всю свою жизнь я провела в стенах этого холодного храма, и вся моя жизнь сводилась к этому дню. К этому часу. К этой минуте. Нас растили в строжайшем аскетизме, вдали от мирских соблазнов. Мы никогда не видели мужчин, кроме безликих жрецов в тяжелых капюшонах. Мы не знали вкуса сладостей, не носили ярких одежд, не слышали музыки, кроме монотонных ритуальных песнопений.

Нас готовили стать жертвой. Идеальной, непорочной, покорной.

– Верховная жрица сказала, что он сначала пьет кровь, – продолжила Лира дрожащим голосом, обхватив себя за плечи. Ее лицо в тусклом свете факелов казалось прозрачным,

почти восковым. — Прямо из сердца. А потом бросает то, что осталось, на алтарь.

— Это великая честь, Лира, — тихо ответила я, повторяя слова, которые нам вбивали в головы с самого детства. — Наша плоть — ничто. Наша чистота — всё. Мы спасаем этот мир от его гнева.

Но пока я говорила эти правильные, заученные слова, мое сердце колотилось в ребра, как пойманная в клетку птица. Я боялась. О, Великие Боги, как же я боялась. Я боялась боли. Я боялась неизвестности. Что он сделает с нами перед тем, как убить?

Раз в цикл, когда две луны сходились в кровавом поцелуе на ночном небе, жрецы призывали его. Мальфазара. Демонического Лорда из Преисподней. Ему нужна была жертва — самая чистая, самая невинная дева из храма. Он всегда забирал одну. И она никогда не возвращалась. Никто не видел, что происходит за гранью портала, но все знали — их ждет ритуальный алтарь, острый нож и очищающее пламя.

Я опустила взгляд на свои босые ноги на ледяном каменном полу. Нас омыли в святой воде, натерли горькими травами и облачили в эти одинаковые белые робы. Больше на нас ничего не было. Белье в Храме было под запретом — чистота должна дышать. От этой мысли по телу прошла новая волна дрожи, не имеющая отношения к холоду. Я чувствовала себя беззащитной, обнаженной под тонкой тканью.

Внезапно тяжелые створки ворот в главный зал со скри-

пом отворились. На пороге возникли три фигуры в черных рясах, их лица были скрыты глубокими капюшонами. Верховные жрецы.

— Время, — раздался безжизненный, скрипучий голос. — Девы, следуйте за нами.

Лира рядом со мной тихо всхлипнула. Другие девушки, опустив головы, покорно поднимались со скамей. Страх витал в воздухе. Густой, осязаемый, он пах озоном, воском и холодным камнем. Я сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено стучащее сердце. Мой великий долг. Я должна принять его с достоинством.

Мы вошли в огромный круглый зал. Высокий купол терялся во тьме, а по стенам плясали жуткие тени от сотен свечей. В центре зала на полу были вычерчены светящиеся багровым светом руны, складывающиеся в сложный, пугающий узор. Воздух был тяжелым от дыма благовоний, таким густым, что его, казалось, можно было резать ножом.

— Встаньте в круг. Не поднимайте глаз. Не произносите ни звука, — скомандовал один из жрецов.

Нас расставили по периметру сияющих рун, лицом к центру. Я видела только каменный пол перед собой и краешки белых роб девушек по бокам. Ноги онемели от холода и страха.

Жрецы затянули песнь на древнем, гортанном языке, которого я не знала. Их голоса то поднимались до оглушительного рева, то опускались до утробного рычания. Пол под но-

гами начал мелко вибрировать. Свечи в зале затрепетали, их пламя вытянулось, стало неестественно ярким. Воздух загустел, стал давящим, словно вода на большой глубине. Мне стало трудно дышать.

«Не меня. Великие Боги, пусть он выберет не меня», – малодушно взмолилась я про себя, тут же устыдившись своих мыслей.

Вибрация усилилась. Руны в центре зала вспыхнули так ярко, что я зажмурилась даже сквозь опущенные веки. Раздался оглушительный треск, будто раскололось само мироздание. По залу пронесся порыв ветра, пахнувший серой, озоном и чем-то еще... чем-то незнакомым, пряным и хищным.

Когда я осмелилась приоткрыть глаза, я поняла, что он здесь.

Я не видела его, но чувствовала. Присутствие. Тяжелое, всепоглощающее, оно заполнило собой все пространство, вытеснив воздух. Стало не просто холодно – ледяной ужас пробирал до самых костей. Я слышала, как рядом кто-то из девушек упал в обморок. Глухой стук тела о камень.

А затем раздались шаги.

Тяжелые, размеренные, уверенные. Звук его сапог из неизвестной мне кожи эхом отдавался от стен и отзывался гулками ударами в моей груди. Он шел по кругу, осматривая нас. Свой урожай.

Я смотрела в пол, на свои побелевшие от напряжения пальцы ног. Я видела лишь его тень, что медленно ползла

по светящимся рунам. Огромная, искаженная, с чем-то, похожим на рога на голове.

Шаги приближались. Я видела его сапоги – высокие, из черной, как сама ночь, кожи, с пряжками из тусклого серебра. Они остановились прямо передо мной.

Лорд Мальфазар стоял в шаге от меня.

Я ощущала его жар, странный и пугающий, исходящий от его тела даже сквозь ледяной воздух. Я чувствовала его запах – смесь раскаленного металла, экзотических специй и первобытной, дикой мощи. Его аура давила, вжимала в пол, заставляла хотеть стать невидимой, раствориться.

Я не смела поднять головы. Не смела дышать. Сердце замерло.

Секунды растянулись в вечность. Я чувствовала его взгляд на своей макушке, тяжелый, словно физическое прикосновение. Он будто прожигал тонкую ткань робы, скользил по моей коже, заглядывал в самую душу.

Зачем он медлит? Почему не идет дальше?

Не выдержав, я на одно короткое мгновение, на один удар сердца, подняла ресницы. И утонула.

Он был не чудовищем из ночных кошмаров. Он был пугающе, нечеловечески красив. Бледная кожа, будто выточенная из мрамора. Высокие, аристократичные скулы. Губы, изрезанные в жестокой, презрительной усмешке. А глаза... его глаза горели, как два расплавленных золотых солнца. Из иссиня-черных волос, спадающих на широкие плечи, росли два

изогнутых, отполированных до блеска рога. Он был воплощением порока и власти.

Наш взгляд встретился, и меня пронзило разрядом тока. В его золотых глазах не было ничего, кроме вековой скуки и холодного, оценивающего любопытства хищника, разглядывающего свою добычу.

Он шагнул ко мне.

Я тут же опустила голову, но было поздно. Он видел мою дерзость.

Он наклонился. Я почувствовала его горячее дыхание у моего виска. Он втянул воздух, шумно, медленно, словно пробуя на вкус мой запах. Мой страх. Мою чистоту. От его близости у меня закружилась голова.

– Эта, – его голос был низким, бархатным, с рокошующими нотками, от которых по позвоночнику пробежала дрожь. Он прозвучал не как выбор, а как приговор.

Я услышала, как за моей спиной жрецы облегченно выдохнули. Для них ритуал был окончен. Для меня – только начинался.

Мальфазар выпрямился, и я почувствовала, как его пальцы – длинные, сильные, с черными когтями вместо ногтей – сомкнулись на моем подбородке и властно заставили меня поднять голову. Он снова заглянул мне в глаза, и в его золотом взгляде на мгновение промелькнул какой-то странный, голодный интерес.

Он повернулся к Верховному жрецу.

– Я забираю ее, – бросил он через плечо. В его голосе звенел металл абсолютной власти, не терпящей возражений.

И прежде чем я успела осознать происходящее, прежде чем жрецы успели склониться в поклоне, он сделал то, чего не ожидал никто.

Сильная рука обвила мою талию, другая подхватила под коленями. Он поднял меня на руки так легко, словно я была пушинкой. Я вскрикнула от неожиданности, инстинктивно вцепившись в его плечо, ощутив под пальцами твердость мышц, покрытых холодной кожей.

Я оказалась прижата к его могучей груди. Мое ухо было у его сердца, но я не слышала его стука. Только гул всепоглощающей силы.

Мир качнулся. Руны на полу вспыхнули ослепительным пламенем. Я видела искаженные ужасом и изумлением лица жрецов, раскрытые в беззвучном крике рты других девушек.

Мальфазар усмехнулся, глядя на мое перепуганное лицо.

А затем мир вокруг нас растворился в ревящем вихре огня и теней. Последнее, что я почувствовала, – это удушающий запах серы и ощущение бесконечного падения в бездну.

Глава 2: Осмотр

Падение было бесконечным, а затем оборвалось. Сознание покинуло меня, унося в черную, беззвучную пустоту.

Когда я очнулась, первым ощущением была мягкость. Невероятная, утопающая мягкость подо мной и тяжелая, бархатная гладкость на мне. Я лежала на чем-то, что не было похоже ни на жесткую храмовую лавку, ни на холодный каменный пол. Веки были свинцовыми, но я заставила себя их поднять.

Надо мной был потолок. Темный, почти черный, из полированного камня, в котором, словно звезды в ночном небе, мерцали крошечные серебряные искорки. Я медленно повернула голову.

Комната была огромной, тонущей в полумраке. Стены были из того же черного камня, но увешаны тяжелыми гобеленами темно-бордового цвета, на которых были вытканы странные, тревожащие узоры. Воздух был теплым, неподвижным и пах чем-то густым и сладковатым, как заморские специи и увядающие цветы. Единственным источником света служил высокий камин, в котором лениво плясало неестественно-зеленое пламя, отбрасывая на предметы причудливые, живые тени.

Я лежала на кровати. Огромной кровати с резным изголовьем из черного дерева, похожим на сплетенных в объятиях

змей. Простыни подо мной были из иссиня-черного шелка, прохладного и скользкого на ощупь, а укрывало меня тяжелое меховое покрывало, мягкое и теплое.

Где я? Это и есть Преисподняя? Место вечных мук не выглядело так, как описывали жрицы. Здесь не было ни криков грешников, ни запаха горячей плоти. Только тишина. Гнетушая, давящая, абсолютная тишина.

Я села на кровати, откинув меховое покрывало. Моя грубая белая роба была на мне, но казалась совершенно чужеродной в этой мрачной роскоши. Сердце снова забилося в горле частым, испуганным стуком. Я одна. Совершенно одна в чужом, незнакомом мире.

Что он сделал с остальными? Что он сделает со мной? Мысль об алтаре и ритуальном ноже обожгла холодом. Возможно, это лишь преддверие. Место, где жертву готовят к закланию.

Я сползла с кровати. Ноги утонули в высоком, мягком ворсе ковра, черного, как сама бездна. Я сделала несколько неуверенных шагов к центру комнаты, осматриваясь. Кроме кровати, здесь был лишь массивный стол, несколько кресел, обитых темной кожей, и огромный, вделанный в стену шкаф. Окон не было. Выход был только один – тяжелая двустворчатая дверь из черного металла.

Я подбежала к ней и толкнула. Она не поддавалась. Я потянула на себя – безрезультатно. Заперто. Конечно, заперто. Я – пленница. Добыча.

Осознание этого обрушилось на меня с новой силой. Паника начала ледяными пальцами сжимать мои легкие. Я заметалась по комнате, как зверь в клетке, снова и снова дергая неподатливую дверь, ощупывая гладкие каменные стены в поисках тайного прохода. Ничего. Я в ловушке.

Внезапно в полной тишине раздался щелчок. Громкий, металлический. Я замерла, обернувшись на дверь. С тихим, зловещим скрипом одна из ее створок начала медленно открываться внутрь.

На пороге стоял он. Мальфазар.

Он сменил свою ритуальную броню на что-то более простое, но не менее властное. Черная шелковая рубашка была расстегнута на груди, открывая вид на гладкую, бледную кожу и рельефные мышцы. Обтягивающие черные штаны были заправлены в те же высокие сапоги. Он небрежно прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Его золотые глаза горели в полумраке, а на губах играла ленивая, хищная усмешка.

– Уже пыталась сбежать? – его низкий, бархатный голос окутал меня, заставляя кожу покрыться мурашками. – Наивно. Отсюда нет выхода, дитя. Кроме того, что укажу я.

Я отступила на шаг, потом еще на один, пока не уперлась спиной в холодную каменную стену камина. Дыхание застряло в горле. Он казался еще больше и опаснее, чем в храме. Он заполнил собой все пространство, и сама комната, казалось, сжалась под его присутствием.

Он медленно вошел внутрь, и дверь за ним с глухим стуком закрылась сама собой. Снова щелкнул замок.

– Жрецы сказали, что ты – совершенство, – продолжил он, неторопливо двигаясь ко мне. Каждый его шаг был шагом хищника, загоняющего жертву в угол. – Самая чистая из всех, кого они растили за последний век. Но я не доверяю словам. Я должен убедиться в твоей совершенной чистоте сам.

Он остановился передо мной, так близко, что я могла ощутить исходящий от него жар и пряный, дурманящий запах его тела. Я съежилась, вжимаясь в стену, и опустила голову, не смея смотреть в его горящие глаза.

– Разденься.

Слово прозвучало как удар хлыста. Тихое, властное, не терпящее возражений. Я застыла, не веря своим ушам. Раздеться? Перед ним? Стыд и ужас обожгли меня, заставив кровь прилить к щекам.

– Нет... – прошептала я. Это было первое слово неповиновения за всю мою жизнь. Оно вырвалось само собой, на выдохе.

Он тихо рассмеялся. Глухой, рокошующий звук, от которого у меня внутри все похолодело.

– Нет? – переспросил он с издевательской интонацией. Он протянул руку и кончиками длинных пальцев коснулся ткани на моем плече. Я вздрогнула, как от прикосновения раскаленного железа. – Ты, кажется, не поняла своего положе-

ния, дитя. Ты – вещь. Моя вещь. И у вещей нет права говорить «нет».

Я крепче сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Слезы стыда и бессилия защипали глаза.

– Я не разденусь, – прошептала я упрямо, сама не понимая, откуда во мне эта дерзость.

Его пальцы сомкнулись на ворота моей робы. Я почувствовала, как он сжал ткань. Мгновение я думала, что он просто разорвет ее, но он медлил.

– Ты можешь сделать это сама, покорно, – его голос стал еще тише, превратившись в опасный, гипнотический шепот у самого моего уха. – Или это сделаю я. Грубо. И поверь, тебе это не понравится. Выбирай.

Он ждал. Тишина в комнате давила, звенела в ушах. Я знала, что у меня нет выбора. Мое жалкое сопротивление было смешным. Дрожащими, непослушными пальцами я потянулась к простому узлу, стягивающему робу на талии. Узел не поддавался. Пальцы онемели от страха и не слушались.

Раздался нетерпеливый вздох.

– Слишком долго.

Резкое движение. Треск рвущейся ткани. Моя роба, разорванная надвое от ворота до самого подола, упала к моим ногам двумя бесполезными белыми тряпками.

Я осталась стоять перед ним совершенно нагая.

Инстинктивно я попыталась прикрыться руками, но он перехватил мои запястья одной своей рукой, легко, словно я

была ребенком, и завел их мне за спину, прижав меня к стене. Я была полностью беззащитна, выставлена на его обозрение.

Горячая волна унижения накрыла меня с головой. Я зазмурилась, не в силах вынести его взгляд, который, я чувствовала, медленно и жадно обходит все мое тело. От макушки до кончиков пальцев.

– Хм... – раздался задумчивый голос. – Действительно, хрупкая. Кожа безупречна. Ни единого шрама. Они хорошо поработали.

Его свободная рука коснулась моей шеи. Его пальцы были прохладными, но там, где они касались, моя кожа вспыхивала огнем. Он медленно провел ими вниз, по ложбинке между ключицами, очертил мои маленькие, напряженные от страха груди. Я вздрогнула, когда его ноготь легонько царапнул затвердевший сосок.

– Чувствительная, – пробормотал он скорее для себя, чем для меня.

Его рука скользнула ниже, по моим ребрам, по впалому животу. Я перестала дышать. Каждое его прикосновение было пыткой, от которой по телу разбегались странные, щеко-чущие искры.

– Повернись, – приказал он.

Я не пошевелилась. Тогда он сам развернул меня, прижав лицом к холодным камням камина. Руки он по-прежнему держал у меня за спиной. Теперь его взгляд изучал мою

спину, мои ягодицы. Я чувствовала его взгляд так же ясно, как прикосновение. Он был тяжелым, материальным.

Его пальцы прошлись вдоль моего позвоночника, от шеи до самого копчика. Я сжалась, когда он опустил руку ниже и властно смял одну из моих ягодиц.

– Упругая. Сильная. Выносливая. Это хорошо.

Он развернул меня обратно лицом к себе. Слезы уже текли по моим щекам, но я не издавала ни звука. Я кусала губы, чтобы не закричать от стыда и ужаса.

Он опустился на одно колено передо мной. Теперь его глаза были на уровне моего живота. Я задрожала всем телом. Что... что он собирается делать?

Его взгляд опустился ниже. К тому месту, о котором жрицы никогда не говорили. К самому стыдному, сокровенному месту, которое я и сама боялась касаться.

– Разведи ноги, – приказал он.

Я отчаянно замотала головой, сжимая бедра так сильно, что мышцы свело судорогой.

В его золотых глазах вспыхнули опасные огоньки. Он не стал повторять приказ. Вместо этого его руки легли на мои бедра с внутренней стороны, и он с непреодолимой силой развел их в стороны. Мое жалкое сопротивление было сломлено в одно мгновение.

Я стояла перед ним, расставленная, униженная, полностью открытая его взгляду.

И тогда он коснулся меня. Там.

Его пальцы, прохладные и сухие, осторожно прошлись по нежным складкам моей плоти. От неожиданности я резко выдохнула. Это было так... странно. Не больно. Но до ужаса неправильно. Никто никогда не касался меня там.

Я почувствовала, как мое тело отреагировало прежде, чем разум успел что-то понять. Внизу живота вспыхнул крошечный, непонятный огонек тепла.

Он, должно быть, это заметил. На его губах снова появилась усмешка.

Его пальцы стали настойчивее. Он раздвинул складки кожи, обнажая то, что было скрыто внутри. Я тихо ахнула, когда его палец скользнул по влажной, чувствительной плоти. Что это? Откуда эта влага?

– Какая же ты чистая... – прошептал он, и его горячее дыхание коснулось кожи на моем животе. – И такая мокрая.

Он надавил чуть сильнее, и его палец нашел маленький, твердый бугорок, спрятанный в самом верху. Когда он коснулся его, мое тело пронзила острая, сладкая судорога. Я вскрикнула, и мои бедра непроизвольно дернулись вперед, навстречу его руке.

Он тут же отстранился, но продолжал смотреть на меня снизу вверх.

– Отзывчивая, – произнес он с ноткой удовлетворенного удивления в голосе. – Очень отзывчивая.

Он поднялся на ноги, отпустив мои запястья. Я тут же обхватила себя руками, пытаясь хоть как-то прикрыться,

и сползла по стене на пол, дрожа всем телом. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде больше не было скуки. Там был голод.

– Осмотр окончен, – объявил он. – Ты действительно чиста. Пока что.

Он развернулся и пошел к двери.

Я сидела на холодном полу, нагая, униженная и совершенно разбитая. Но сквозь стыд и страх я ощущала что-то еще. Станный, пульсирующий жар между ног, которого я никогда прежде не знала. Неприятный и в то же время... волнующий.

Дверь за ним закрылась, оставив меня одну в тишине, наедине с этим новым, пугающим ощущением в моем собственном теле.

Глава 3: Очищение

Я не знаю, сколько я просидела на холодном полу, сжавшись в комок. Время в этом месте, казалось, остановилось, застыло в густом, как патока, полумраке. Мое тело до сих пор горело в тех местах, где он меня касался. Унижение было настолько всепоглощающим, что превратилось в тупой, ноющий фон, а на его место пришел ледяной, парализующий страх.

Страх был не перед быстрой смертью на алтаре. О, нет. Теперь я понимала, что жрицы ошибались. Или лгали. Моя участь была иной. Он не собирался меня убивать. Он собирался меня... использовать. И та странная, постыдная пульсация, что до сих пор отдавалась глубоко внутри меня, была тому доказательством. Мое собственное тело предало меня, откликнувшись на прикосновения монстра.

Дверь снова открылась без стука, вырвав меня из оцепенения. Я вздрогнула и отползла глубже в тень камина.

На пороге стояли две женщины. Они не были похожи на людей. Их кожа была бледной, почти серой, а глаза – полностью черными, без белков и зрачков, как два осколка обсидиана. Длинные, прямые волосы цвета воронова крыла спускались до самых пят. Они были одеты в одинаковые облегающие платья из темной кожи, не скрывающие их неестественно стройных, хищных фигур. Они двигались с беззвучной,

змеиной грацией.

Они вошли и молча остановились посреди комнаты, их черные глаза уставились на меня. В них не было ни сочувствия, ни злобы. Ничего. Лишь холодная, деловитая пустота.

— Лорд приказал подготовить тебя, — произнесла одна из них. Ее голос был ровным и лишенным интонаций, словно шелест сухих листьев.

Они подошли ко мне. Я забилась в угол, пытаюсь закрыть руками, но это было бесполезно. Каждая из них взяла меня за руку и с легкостью, которой я не ожидала от таких тонких созданий, подняла на ноги. Их хватка была стальной. Сопротивление было бессмысленно.

Меня повели из спальни через ту самую дверь, которая была для меня заперта. Мы прошли по длинному, темному коридору, освещенному такими же зелеными светильниками. Стены были из гладкого черного камня, и казалось, они впитывают звук наших шагов. В конце коридора была еще одна дверь, резная и массивная. Одна из демониц толкнула ее, и мы вошли внутрь.

Это была купальня. Огромная, как храмовый зал, и вся отделанная черным, отполированным до зеркального блеска мрамором. Из центра пола поднимался пар, густой и влажный. Там, в углублении, находился бассейн, высеченный прямо в камне. Вода в нем была темной, почти черной, и от нее исходил странный аромат — смесь серы, горьких трав и каких-то приторно-сладких цветов.

– Снимай, – приказала вторая демоница, кивнув на остатки моей рабы, которые я до сих пор сжимала в руке, как последнее напоминание о прошлой жизни.

Я покачала головой, прижимая тряпки к груди.

Она раздраженно цокнула языком. Не говоря ни слова, она шагнула вперед и просто вырвала ткань из моих рук, отбросив ее в сторону. Снова нагая. Снова выставленная напоказ.

Меня грубо подтолкнули к бассейну и заставили спуститься по скользким каменным ступеням в горячую, обжигающую воду. Я вскрикнула, когда она коснулась моей кожи, но меня безжалостно погрузили по самую шею. Вода была настолько горячей, что на мгновение перехватило дыхание.

Демоницы спустились следом. Одна из них взяла в руки жесткую мочалку из какого-то колючего волокна, а другая – кусок черного, как смола, мыла.

– Не двигайся, – прошипела та, что с мочалкой. – Господин приказал отмыть с тебя всю человеческую грязь.

И она принялась тереть.

Это было не омовение. Это было соскабливание. Жесткие волокна драли мою кожу, оставляя на ней красные полосы. Она терла безжалостно, с силой, не обращая внимания на мои тихие стоны. Каждый сантиметр моего тела подвергся этой экзекуции: спина, живот, ноги, руки. Она заставила меня поднять руки, чтобы вычистить подмышки, раздвинуть пальцы на ногах. Я чувствовала себя не человеком, а живот-

ным, которое готовят к жертвоприношению.

– Не сжимайся, – прорычала вторая, когда я попыталась инстинктивно свести колени. – Здесь тоже.

Ее рука, облаченная в грубую рукавицу, властно раздвинула мои бедра. Я зажмурилась, чувствуя, как она терла самые нежные, самые уязвимые места моего тела. Она была дотошной, проникая пальцами между складками кожи, вычищая все следы моего стыда и страха.

– Зачем... – прохрипела я, когда уже не могла терпеть унижение. – Зачем все это?

Та, что мыла меня, остановилась на мгновение и посмотрела на меня своими бездонными черными глазами.

– Твое тело больше не твое, – сказала она бесстрастно. – Оно – сосуд. Сосуд для удовольствия Господина. И он должен быть безупречен.

Сосуд... Это слово ударило меня, как пощечина. Не жертва, не рабыня, а просто вещь. Предмет.

Когда они наконец закончили, моя кожа горела и саднела, словно с меня содрали верхний слой. Меня вытащили из воды и поставили на холодный мраморный пол. Но испытания не закончились.

В центре зала стояла высокая кушетка, покрытая черной кожей. Меня подвели к ней и жестом приказали лечь.

– Что... что теперь? – прошептала я, чувствуя, как новый приступ ужаса сковывает внутренности.

– Господин любит гладкость, – ответила одна из них, до-

ставая из ниши в стене глиняную чашу с темной, густой, липкой массой. Она пахла жженым сахаром и чем-то еще, металлическим. – Абсолютную гладкость. Везде. Тебе придется потерпеть.

Я увидела, что она собирается делать, и запаниковала. Я попыталась вскочить, но вторая демоница с силой нажала мне на плечи, пригвоздив к кушетке.

– Нет! Пожалуйста, не надо! – закричала я, извиваясь.

– Женщина должна уметь терпеть боль, – прошипела она мне в ухо. – Особенно та, что будет лежать в постели Лорда Мальфазара. А теперь лежи смирно!

Теплая, липкая масса легла на мою кожу в самом низу живота. Демоница ловко размазала ее деревянной лопаткой, покрывая все то место, которое недавно исследовал ее хозяин. На мгновение от тепла стало даже приятно. А потом...

Она приложила полоску плотной ткани, разгладила ее. Я затаила дыхание.

Резкий, безжалостный рывок.

Мой крик разорвал тишину купальни, безумный, полный боли и отчаяния. Он ударился о мраморные стены и вернулся ко мне оглушительным эхом. Казалось, с меня заживо содрали кожу. Острая, огненная боль пронзила все тело, заставив выгнуться дугой. В глазах потемнело.

– Я же сказала, потерпеть, – равнодушно бросила моя мучительница, пока я хватала ртом воздух. – Это только начало.

Она снова нанесла липкую массу, теперь уже ниже, на самые чувствительные складки плоти.

— Нет, прошу... — хныкала я, слезы текли по вискам, смешиваясь с мокрыми волосами.

— Раздвинь ноги шире! — рывкнула вторая. — Или мне их сломать?

Я подчинилась, дрожа всем телом. Унижение было еще сильнее боли. Они заставляли меня саму принимать участие в этой пытке, открываться для нее.

Еще один рывок. Еще один крик, который перешел в сдавленный хрип. Боль была невыносимой, огненной, разрывающей. Они продолжали, полоска за полоской, сдирая с меня последние остатки человеческого достоинства вместе с волосами. Каждая клеточка моего тела кричала. Я кусала губы до крови, чтобы не потерять сознание.

Когда экзекуция наконец закончилась, вся нижняя часть моего тела была одной сплошной раной. Кожа горела нестерпимым огнем, она была красной, опухшей и невероятно чувствительной. Я лежала без сил, всхлипывая, опустошенная и сломленная.

Одна из девиц взяла флакон с прохладной маслянистой жидкостью и щедро полила мою истерзанную плоть. Масло приятно охладило, немного успокаивая пожар, но от этого кожа стала еще более чувствительной. Я чувствовала каждое дуновение воздуха, каждое движение ткани простыни где-то далеко.

– Теперь ты готова, – произнесла одна из них, осматривая свою работу с видом удовлетворенного мастера. – Теперь Господину будет приятно прикоснуться к тебе.

Меня снова подняли на ноги и повели обратно в спальню. Ноги подгибались, и я едва не падала. В комнате на кровати лежала одежда. Если это можно было так назвать.

Это было платье из тончайшего черного шелка, почти невесомого, как паутина. Оно было настолько прозрачным, что не скрывало практически ничего. Оно не предназначалось для тепла или скромности. Оно предназначалось для того, чтобы выставлять напоказ. Чтобы демонстрировать товар.

– Надень, – приказала демоница. – И жди. Он позовет тебя, когда будет готов.

Они вышли, оставив меня одну. Я дрожащими руками взяла это постыдное платье. Ткань была прохладной и гладкой. Я натянула его через голову. Оно облепило мое тело, как вторая кожа. Сквозь тонкую ткань просвечивали мои груди, темные соски, ложбинка на животе и то место между ног, которое теперь было совершенно голым, беззащитным и горело огнем.

Я подошла к темной, отполированной стене и посмотрела на свое смутное отражение. Из темноты на меня смотрело испуганное, заплаканное существо с распухшими губами и дикими глазами. Нагое, даже будучи одетым. Сломленное. Готовое.

Сосуд.

И этот сосуд ждал своего хозяина.

Глава 4: Первое задание

Время тянулось, как застывающая смола. Каждый удар моего сердца отдавался в висках гулким, паническим набатом. Я сидела на краю огромной кровати, не смея пошевелиться, чувствуя на своей горячей коже холодное прикосновение тонкого шелка. Это платье было хуже, чем нагота. Оно было обещанием. Демонстрацией. Оно кричало о том, для чего я теперь предназначена.

Я ждала. Ждала его.

Когда дверь отворилась, я вздрогнула так сильно, что едва не вскрикнула. Но на пороге стояла не одна из бездушных демониц.

Стоял он. Мальфазар.

Он не сказал ни слова. Просто кивнул, приказывая мне встать и следовать за ним. Я подчинилась, как марионетка, чьи нити дергают невидимые пальцы страха. Мои босые ноги утопали в черном ворсе ковра, пока я шла за его широкой, могучей спиной.

Мы прошли по тем же коридорам, но на этот раз свернули в другое крыло. Здесь было еще темнее, еще тише. Воздух казался гуще, пропитанный его личным запахом – смесью озона, раскаленного металла и чего-то пьяняще-пряного. Наконец он остановился перед огромными, двустворчатыми дверями из черного дерева, испещренными резьбой

в виде терновых ветвей и кричащих лиц. Двери распахнулись перед ним сами собой, без единого звука.

Это были его покои.

Комната была колоссальных размеров, настоящий тронный зал, погруженный в интимный полумрак. Зеленое пламя в камине было больше и яростнее, отбрасывая на стены и потолок длинные, извивающиеся тени. В центре этого пространства, на возвышении из черного мрамора, стояла кровать.

Она была не просто кроватью. Она была алтарем. Ложем для жертвоприношений. Огромная, размером с поле битвы, застеленная шкурами невиданных черных зверей и усыпанная подушками из темно-красного бархата.

Он, не оборачиваясь, прошел к ней. И я увидела, что он уже был полуобнажен. На нем остались только свободные черные штаны, низко сидящие на бедрах. Его спина была произведением искусства и кошмара – широкая, покрытая гладкой, бледной кожей, под которой перекачивались рельефные узлы мышц. Вдоль позвоночника шли ряды старых, бледных шрамов, а у основания шеи виднелся сложный узор татуировки, похожей на застывшую тень.

Он лениво опустился на кровать, оперевшись спиной на гору подушек. И повернулся ко мне.

– Иди сюда, – его голос был тихим, но он заполнил собой все огромное пространство, проникнув мне под кожу.

Я замерла, не в силах сдвинуться с места. Мой взгляд

был прикован к нему. К его мощной груди, широким плечам, к хищной усмешке на чувственных губах. А потом мой взгляд скользнул ниже. И мир остановился.

Я увидела то, что было у него между ног.

Это не было частью тела. Это было оружие. Монстр. Из темного основания упругой плоти поднималась башня. Длинная, толстая, вся перевитая вздувшимися венами, что пульсировали в такт какому-то невидимому сердцу. Она была темно-багрового, почти фиолетового цвета, а венчал ее гладкий, блестящий набалдашник, с которого медленно, как яд, стекала капля прозрачной влаги. Это пугающее оружие не покоилось расслабленно. Оно торчало вверх, полное агрессивной, живой силы. Угрожающее. Невозможное.

Жрицы ничего не говорили об этом. Ни слова. Как... как такая громадина может поместиться внутри женщины? Она же просто разорвет ее на части. Дикий, первобытный ужас, сильнее всего, что я испытывала до сих пор, сковал мое тело. Это было неправильно. Это было чудовищно.

– Ты смотришь так, будто увидела призрака, – усмехнулся он, заметив выражение моего лица. Он лениво провел рукой по своему напряженному стволу, отчего тот дернулся. Я испуганно пискнула. – Это всего лишь плоть. И скоро ты узнаешь ее очень близко.

Он похлопал по шкурам рядом с собой.

– Ко мне.

Ноги, ватные и непослушные, сами понесли меня вперед.

Каждый шаг был пыткой. Я подошла к кровати и остановилась, опустив голову и глядя на свои дрожащие пальцы ног.

– Сегодня ты пройдешь первое причастие, – его голос был обманчиво-спокойным, но в нем звенела сталь. Он использовал святое слово, слово из наших ритуалов, и от этого оно прозвучало еще грязнее, еще кошунственнее. – Ты примешь в себя мою силу. Мою сущность. На колени.

Приказ был абсолютен. Я медленно, как во сне, опустилась на колени на мягкий мех у края кровати. Теперь его пах был прямо на уровне моего лица. Запах его тела стал невыносимо сильным, густым, мускусным, забивая ноздри и отключая мысли.

В следующую секунду его рука железной хваткой вцепилась в мои волосы у самого затылка. Он резко дернул мою голову на себя, заставив запрокинуть ее. Я вскрикнула от боли и страха.

– Я сказал, причастие, – прорычал он мне в лицо, его золотые глаза горели адским огнем. – А теперь открой свой рот.

Я затрясла головой, слезы хлынули из глаз. Нет. Нет. Только не это. Это грязно. Это невозможно.

Его хватка на моих волосах усилилась до боли, заставляя кожу на голове гореть.

– Открой. Рот.

Его воля была сильнее моей. Сильнее моего страха, моего отвращения. Дрожа, я приоткрыла губы.

Этого было достаточно.

Он не стал ждать. Не стал уговаривать. Он просто двинул бедрами вперед. Горячая, твердая и влажная головка его члена ткнулась в мои сжатые зубы. Я инстинктивно попыталась отстраниться, но его рука держала меня намертво. Он с силой надавил, и его огромный набалдашник проскользнул между моими зубами, болезненно растягивая губы.

Я подавилась. Рвотный спазм сотряс мое тело, но я не могла ничего сделать. Он был внутри. Он заполнил собой все. Я не могла дышать. Я не могла думать. Был только он – твердый, горячий, пульсирующий, с чужим, солоноватым вкусом на моем языке.

– Глубже, – прохрипел он, и его рука на моем затылке надавила, заставляя мою голову опуститься еще ниже.

Я замычала, захлебываясь. Мои губы растянулись до боли. Щеки горели. Он начал двигаться. Медленно, но властно. Вперед и назад. Его член терся о мой язык, нёбо, скользил вглубь моего горла. Каждый его толчок вызывал новый приступ тошноты. Я чувствовала, как вздувшиеся вены на его стволе царапают нежную плоть внутри моего рта.

Он жестко трахал мой рот.

Он не давал мне ни секунды передышки. Его рука полностью контролировала меня, задавая ритм, определяя глубину. Мои слезы текли по щекам, капая на его бедра. Я была просто отверстием, которое он использовал для своего удовольствия. Безликим, безвольным.

Но потом, сквозь боль, унижение и отвращение, я начала

замечать другое.

Его дыхание. Оно стало тяжелым, рваным. Я слышала, как он стонет. Низкие, гортанные стоны, полные первобытного наслаждения. Его тело напряглось, мышцы на животе и груди вздулись каменными плитами. Я чувствовала, как его монстр у меня во рту набухает еще сильнее, становится тверже, горячее.

И тогда произошло нечто странное. В самом низу моего живота, там, где раньше был только ледяной страх, зародилось тепло. Слабое, едва заметное, но оно было там. Я доставляла ему удовольствие. Я, маленькая, ничтожная пленница, заставляла этого могущественного, ужасающего демона стонать и терять контроль. Эта мысль была извращенной, неправильной, но она несла в себе крупицу пьянящей власти. Единственной власти, которая у меня была.

Его движения стали резче, быстрее. Он больше не исследовал. Он брал. Он трахал мой рот безжалостно, с голодной, животной яростью. Моя челюсть горела от боли, казалось, суставы вот-вот выскочат из пазов. Слезы текли уже не от страха, а от чистой физической боли, смешанной с унижением.

– Да... – выдохнул он, когда головка его члена с силой ударилась о заднюю стенку моего горла, вызывая новый спазм. – Вот так. Принимай.

Его рука, сжимавшая мои волосы, теперь задавала темп. Он двигал моей головой вверх и вниз по своему стволу, ис-

пользуя меня, как безвольную куклу. Я больше не пыталась сопротивляться. Я не могла. Мое тело было сломлено, а воля – растоптана. Влажные, шлепающие звуки, отвратительные и громкие, эхом разносились по огромной спальне, смешиваясь с его рычащими стонами. Он не просто использовал мой рот, он вторглся в меня, колонизировал, выжигая изнутри остатки моей прежней сути.

Мой разум отключился. Исчезли мысли о храме, о жрицах, о моей прошлой жизни. Существовала только эта реальность: боль в челюсти, нехватка воздуха, его твердая, горячая плоть, заполняющая меня, и его тяжелое, животное дыхание над моей головой. Странное, извращенное тепло внизу моего живота разгоралось все сильнее, превращаясь в пульсирующий узел. Стыд и возбуждение сплелись в один тугой, удушающий клубок. Я ненавидела его. Я ненавидела себя за то, что мое тело откликалось на это насилие.

Я почувствовала, как изменился ритм его движений. Он стал прерывистым, почти судорожным. Основание его члена, прижатое к моим губам, запульсировало мощно и часто. Его тело напряглось, как тетива лука, готовая вот-вот лопнуть. Он весь превратился в один стальной, дрожащий мускул. Его хватка на моих волосах стала такой сильной, что я подумала – он вырвет их с корнем.

– Сейчас... – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Его бедра замерли, с силой вжавшись в мое лицо. Он издал глубокий, рваный стон, который, казалось, шел из самых

недр его демонической души.

И затем – извержение.

Мощный, горячий поток ударил вглубь моего горла, заставив меня захлебнуться и судорожно закашляться. Это не было похоже ни на что, что я могла себе представить. Не жидкость, а густая, обжигающая лава. Ее было так много. Она хлынула в меня, заполняя рот, обволакивая язык, стекая в горло. Она была густой, с резким, соленым, металлическим вкусом, который был абсолютно чужеродным и до тошноты интимным.

Что это? Что он делает? Он... испражняется в меня? Отравляет?

Первобытный инстинкт закричал во мне. Выплюнуть. Немедленно избавиться от этой грязи, от этой мерзости, что обожгла мое горло. Я попыталась дернуться назад, отстраниться, но его рука, все еще державшая мои волосы, превратилась в стальной капкан. Он не дал мне сдвинуться ни на миллиметр. Его член все еще был у меня во рту, обмякший, но огромный, не давая мне закрыть рот или сплюнуть.

Я захлебывалась. Густая жидкость заполнила все, и я чувствовала, как она начинает стекать по подбородку.

– Глотай.

Приказ был тихим, почти шепотом, но в нем была вся тяжесть Преисподней. Это был не совет и не просьба. Это был закон.

Я отчаянно замотала головой, насколько позволяла его

хватка. Нет. Все что угодно, только не это. Не принимать в себя его... его грязь.

Его пальцы сжались сильнее, вырывая у меня болезненный стон. Он наклонился так низко, что я почувствовала его горячее, пахнущее мускусом дыхание на своей щеке. Его золотые глаза смотрели прямо в мои, и в них не было ничего, кроме ледяного, безжалостного приказа.

– Ты проглотишь каждую каплю, – прошипел он. – Ты примешь мое семя в себя. Это и есть причастие. Ты станешь частью меня. Глотай.

Семя. Так вот как это называется. Не грязь, не яд. Семя. Слово было странным, незнакомым, но сути это не меняло. Это было его. Это было внутри меня. И я должна была это принять.

Он чуть ослабил хватку, позволяя мне сделать судорожное глотательное движение. Мое горло сжалось в спазме, отказываясь подчиняться. Но его воля была сильнее моих инстинктов. Я зажмурилась, и под его неумолимым взглядом, под давлением его пальцев, заставила себя проглотить.

Первый глоток был пыткой. Густая, теплая субстанция скользнула по моему обожженному горлу, оставляя за собой горько-соленый след. Я почувствовала, как она опустилась в мой желудок – чужеродная, оскверняющая. Мое тело содрогнулось от отвращения.

– Еще, – скомандовал он.

Я сделала еще один глоток. И еще. Пока мой рот не опу-

стел. Пока последняя капля его семени не оказалась внутри меня. Я осквернена. Окончательно и бесповоротно.

Только тогда он отпустил меня.

Он вытащил свой член из моего рта с влажным, унижительным звуком. Я рухнула на мягкие шкуры, сотрясаясь от беззвучных рыданий и приступов кашля. Я жадно хватала ртом воздух, который казался чистым и сладким после удушья. Мое лицо было мокрым от слез и слюны. Густая капля его семени стекла по моему подбородку и упала на черный шелк платья, оставив бледное, постыдное пятно.

Он откинулся на подушки, наблюдая за мной сверху вниз. Его дыхание почти выровнялось. На его бледной коже блеснули капли пота. Его монстр, теперь уменьшившийся в размерах и потерявший свою яростную твердость, покоился на его бедре, влажный от моей слюны. Даже в таком состоянии он выглядел пугающе большим.

Я сидела на коленях у его ног, как побитая собака. Мой рот горел, язык онемел, а горло саднило. Но хуже всего был вкус. Вкус его власти, его наслаждения, его сути. Он остался на моем языке, в моем горле, в моем желудке. Я никогда не смогу от него отмыться.

Он лениво вытер руку о черную шкуру рядом с собой.

– Неплохо для первого раза, – произнес он холодно, в его голосе не было и тени тепла или сочувствия. Только холодная оценка. – Но в следующий раз ты не будешь давиться. Ты будешь принимать меня с готовностью. Ты будешь умолять

об этом.

Он смотрел на меня еще мгновение, его золотые глаза оценивали мое сломленное состояние. Казалось, вид моего унижения доставлял ему не меньшее удовольствие, чем сам акт.

Затем он потерял ко мне всякий интерес. Он отвернулся и посмотрел на зеленое пламя в камине, словно меня больше не было в комнате. Словно я была всего лишь инструментом, который он использовал и отложил в сторону.

Я осталась на коленях на полу его спальни. Брошенная. Опустошенная. Оскверненная. Причастие свершилось. Я приняла его в себя. И теперь я чувствовала, как его семя лежит тяжелым, теплым грузом в моем желудке. Он был внутри меня. Он победил. Это было только начало, и я с ужасом понимала, что худшее еще впереди.

Глава 5: Награда

Я осталась на коленях, как изваяние из застывшего ужаса. Тишина в его покоях была оглушительной, нарушаемая лишь моими собственными сдавленными всхлипами и гулким стуком крови в ушах. Мое тело было сломлено, мой дух – растоптан. Я была вещью, которую использовали и выбросили. Пустым сосудом, оскверненным его семенем. Я ждала, что он прикажет мне уйти, спрятаться обратно в своей клетке до тех пор, пока ему снова не понадобится мой рот или мое унижение.

Но он не двигался. Я чувствовала его взгляд на своем затылке, тяжелый и обжигающий. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он нарушил тишину.

– Ты хорошо послужила, – его голос был низким и ровным, но в нем проскальзывали нотки ленивого, кошачьего удовлетворения. – За хорошую службу полагается награда.

Награда.

Это слово прозвучало как угроза, как предвестие новой, еще более изощренной пытки. Какая награда может быть в аду? Что еще он мог сделать со мной, чего еще не сделал? Мое воображение, бедное и ограниченное стенами храма, не могло нарисовать ничего, кроме ножей, огня и боли. Я сжалась, ожидая удара.

Вместо этого я почувствовала, как его рука снова вцепи-

лась в мои волосы. Но на этот раз не было резкой боли. Он просто потянул меня на себя, заставляя подняться с колен. Я споткнулась, и он, не дав мне упасть, подхватил меня и одним мощным движением бросил на кровать.

Я упала на спину, утонув в мягких, пахнущих мускусом и зверем шкурах. Перед глазами на миг потемнело. Когда зрение вернулось, он нависал надо мной, оперевшись руками по обе стороны от моей головы. Его огромное тело полностью закрывало свет от камина, погружая меня в свою тень. Его золотые глаза горели во тьме, как у хищника, разглядывающего пойманную добычу перед тем, как разорвать ее на части.

– Награда, – повторил он, словно пробуя слово на вкус. Уголок его губ дернулся в жестокой усмешке.

Он опустил взгляд на мое платье – тонкую черную паутину, испачканную его семенем. Он протянул руку и зацепил пальцем вырез у моей шеи. Я затаила дыхание.

Раздался резкий треск рвущейся ткани.

Одним движением он разорвал шелк от горла до самого подола. Платье, последнее, что прикрывало мой стыд, распалось на две бесполезные половины, обнажая все, что было под ним. Моя бледная кожа, все еще горящая от унижения, резко контрастировала с темным мехом подо мной.

Я лежала перед ним, как на жертвенном алтаре. Полностью нагая. Полностью в его власти.

Он не стал касаться меня сразу. Он просто смотрел.

Его взгляд был медленным, тяжелым, почти осязаемым. Он скользил по моему телу, как физическое прикосновение. По моим напряженным грудям с затвердевшими от страха и холода сосками. По моим ребрам, проступающим под кожей. По впалому животу, где внутри все еще лежала его теплая, тяжелая сущность. Его взгляд задержался на том месте между моих ног, которое было истерзано демоницами, лишено всякой защиты, красное и опухшее.

– Так гораздо лучше, – пророкотал он. – Ничто не должно скрывать мою собственность.

Он опустился ниже, и я почувствовала, как его прохладные пальцы коснулись моего подбородка, стирая липкий след его семени. Я вздрогнула от отвращения. Затем он медленно повел рукой вниз, по моей шее, по ключицам, очерчивая мои груди, но не касаясь сосков, дразня, растягивая пытку. Я видела, как они напряглись еще сильнее, предательски откликаясь на его близость.

Его рука скользнула по моему животу, и он с силой надавил пальцами чуть ниже пупка. Я тихо ахнула, ощутив, как его семя внутри меня будто отозвалось на это давление. Он улыбнулся, заметив мою реакцию.

– Ты чувствуешь меня внутри себя? – прошептал он, его голос был полон ядовитой сладости. – Это только начало. Я заполню тебя собой всю.

Я зажмурилась, не в силах выносить его взгляд, его слова. Я просто хотела, чтобы все это закончилось.

Но он только начинал. Он сполз ниже по кровати. Я почувствовала, как его руки легли на мои колени.

— Раздвинь ноги, — приказал он.

Это был тот же приказ, что и раньше. Но теперь я знала, что сопротивление бесполезно. Оно лишь продлит агонию и, возможно, разозлит его. Дрожа всем телом, я медленно, неохотно подчинилась, разводя бедра. Это было самое унижительное движение в моей жизни. Я сама открывала себя для него, для его следующего надругательства.

Он опустился еще ниже, и теперь его лицо было прямо между моих разведенных ног. Я распахнула глаза от ужаса. Что он собирается делать? Съесть меня? Разорвать? Жрицы говорили о демонах, которые пожирают плоть грешников.

Я увидела, как его темные волосы коснулись внутренней стороны моих бедер. Я почувствовала его горячее дыхание на своей истерзанной, сверхчувствительной коже. Я попыталась сжаться, свести ноги, но его руки, как стальные тиски, легли на мои бедра и с силой развели их еще шире, пригвоздив к постели. Я была полностью раскрыта перед ним, уязвима, как никогда в жизни.

И тогда я почувствовала это.

Горячее. Мокрое. Шокирующее.

Его язык.

Он провел им по мне. Длинный, медленный, влажный мазок, от самого низа до того самого бугорка, прикосновение к которому уже заставило меня содрогнуться во время

«осмотра». Мое тело выгнулось дугой, с губ сорвался сдавленный вскрик. Это ощущение было настолько неожиданным, настолько чуждым, что мой разум просто отказался его обрабатывать.

Это было отвратительно. Это было грязно. Это было самое постыдное, что можно было себе представить. Но в то же время...

По моему телу, от самого низа живота, пробежала волна обжигающего электричества.

– Ммм, какая ты сочная, – пророкотал он, его голос был приглушен моей собственной плотью. – Сладкая и соленая одновременно. Вкус страха.

Он набросился на меня, как голодное животное. Его язык был наглым, сильным, умелым. Он исследовал каждый миллиметр, каждую складку. Он дразнил, лизал, всасывал. Я чувствовала, как его губы прижимаются к моей плоти, как легкая щетина на его подбородке царапает нежную кожу моих бедер.

Я извивалась под ним, пытаюсь вырваться, но его хватка была железной. Мои тихие стоны протеста начали смешиваться с другими звуками. Звуками, которые я не могла контролировать. Глубокие, гортанные вздохи. Мои пальцы впились в меховые шкуры, ногти скребли по ним в бессильной агонии, которая стремительно превращалась во что-то иное.

Узел жара внизу моего живота, зародившийся во время осмотра, теперь разгорался в настоящий пожар. Он пожирал

меня изнутри. Волны удовольствия, острого, запретного, постыдного, начали расходиться по всему телу. Они поднимались по ногам, заставляя их дрожать, разливались по животу, заставляя мышцы судорожно сжиматься, доходили до груди, отчего соски горели и ныли так, словно их касался раскаленный уголь.

– Нет... пожалуйста... прекрати... – шептала я, но слова звучали неубедительно даже для меня самой. Я не знала, чего прошу – остановить пытку или остановить это невыносимое, сводящее с ума удовольствие.

Он не слушал. Он нашел тот самый чувствительный узелок плоти и сосредоточил на нем все свое внимание. Его язык кружил вокруг него, терзал, посасывал. Каждое его движение было точным, выверенным, направленным на то, чтобы сломать меня.

И он меня сломал.

Я перестала бороться. Мое тело сдалось. Я больше не пыталась свести ноги, наоборот, я чувствовала, как мои бедра сами подаются навстречу его рту, в немом, отчаянном поиске чего-то, чего я не могла назвать. Я больше не кусала губы, чтобы сдерживать стоны. Они вырывались из моей груди – громкие, жалобные, полные животной похоти, которую я в себе и не подозревала.

Мир сузился до одной точки. До ощущений между моих ног. Все остальное исчезло: страх, стыд, боль, прошлое. Было только это. Невыносимо острое, нарастающее напряжение.

Казалось, во мне натягивали струну, все туже и туже, и она вот-вот лопнет, разорвав меня на части.

Я чувствовала, что приближаюсь к какому-то краю, к пропасти. И мне было страшно. Удовольствие было настолько сильным, что стало похоже на боль. Я не выдержу. Мое слабое человеческое тело не сможет этого пережить. Оно просто взорвется.

– Слишком... много... – прохрипела я, уже почти ничего не соображая. Слезы текли по моим вискам, но это были не слезы унижения. Это были слезы переизбытка чувств.

Он лишь сильнее набросился на меня, словно почувствовал, что я на грани. Он издал низкий, довольный рык, и в следующую секунду мир раскололся на миллион ослепительно-белых осколков.

Мое тело пронзила такая мощная судорога, что спина выгнулась дугой, отрывая меня от кровати. Крик, который вырвался из моего горла, не был человеческим. Это был дикий, первобытный вопль существа, познавшего одновременно рай и ад. Волна чистого, незамутненного, ослепляющего удовольствия накрыла меня, смывая все. Я видела вспышки света за закрытыми веками. Мои мышцы сжимались и разжимались в неконтролируемом спазме. Мне казалось, что я умираю. Что моя душа отлетает от тела, не в силах вынести этот экстаз.

Сознание начало меркнуть. Темнота подступала к краям зрения. Последнее, что я почувствовала, – это как он поднял

голову, и его губы, мокрые от меня, нашли мои в грубом, собственническом поцелуе, забирая мой крик и мой последний вздох.

А потом все поглотила тьма.

Когда я пришла в себя, я все еще лежала на кровати, дрожа, как в лихорадке. Он сидел рядом, наблюдая за мной со странным, задумчивым выражением на лице. Я была полностью разбита, опустошена. Между ног было влажно и было сладкой болью.

Я медленно осознавала, что произошло.

Мое тело. Мой презренный, жертвенный сосуд, который я всю жизнь училась игнорировать и готовить к смерти... Оно было способно на *это*. На это сокрушительное, всепоглощающее чувство, которое было сильнее страха, сильнее боли, сильнее воли.

Это и была его награда.

Он не просто осквернил меня. Он показал мне новый вид рабства. Он открыл во мне бездну, о которой я и не подозревала. Бездну похоти, которую теперь мог заполнить только он. Он дал мне познать абсолютное удовольствие, чтобы навсегда привязать меня к себе. И это было страшнее любого ножа, любого алтаря. Потому что теперь часть меня, самая темная, самая животная часть, будет жаждать его снова.

Глава 6: Ритуал

Я лежала в руинах самой себя. Мое тело, оскверненное и сломленное, было свидетельством его власти. Волна удовольствия, обрушившаяся на меня, оставила после себя лишь опустошение и липкий, холодный стыд. Я не знала, сколько прошло времени – минуты или часы. Я просто лежала на смятых шкурах, нагая, уставившись в мерцающий серебряными искрами потолок, и пыталась осознать, во что я превратилась.

Я больше не была Элиной, чистой девой из храма. Та Элина умерла в тот момент, когда он заставил ее познать грязь и экстаз. Теперь я была лишь телом. Сосудом. Игрушкой. И самое страшное – часть этого сосуда, самая потаенная его часть, теперь ныла сладкой, тупой болью, которая была отголоском невыносимого наслаждения.

Дверь в покои снова открылась. Я не вздрогнула. Я уже ничего не боялась, потому что худшее, как мне казалось, уже случилось. Он уничтожил меня, не убивая.

Мальфазар вошел в комнату. Он снова был одет в свои черные штаны и сапоги, его обнаженный торс в свете зеленого пламени казался высеченным из бледного мрамора. Он не посмотрел на меня. Его золотые глаза были холодны и сосредоточены, словно он готовился к чему-то важному.

– Время пришло, – произнес он, и эти слова упали в ти-

шину, как камни в бездонный колодец.

Мое сердце пропустило удар, а затем заколотилось с бешеной силой. Время. Пришло. Для чего? Для настоящего ритуала? Для смерти, которая должна была стать моим предназначением с самого рождения? Странно, но эта мысль принесла с собой не только ужас, но и тень облегчения. Смерть была концом. Финалом. Она была избавлением от этого нового, извращенного существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.